

17 арп.
1920.

Дорогой Феликсан Константинович!

Приветъ! Пишу тебѣ изъ Ли-
банскої пустоши нѣ за Каменскѣй
проволоки. Но, премѣдѣ твихъ изданій
тебѣ, какъ я понимаю въ Африку,
отъ кѣкоторыхъ отступлений въ
области недавнаго прошлого.

Два года я, просидѣлъ у себѣ въ Крыму,
и это было хорошее время. Я писалъ
совершенно одинъ, совсѣмъ не звѣрькоша
и повароша, но совсѣмъ совсѣмъ и художникаша. Въ общемъ не разъ
приходилъ къ куплю въ французовъ
отношени, а помочилъ подъвидѣніе какъ
непримѣтнѣе рубашъ, которыя были
таки. Переездъ первого большеви-
кова, ятчужевъ, французовъ, первого
добровольцевъ, второго большевика и
второго добровольцевъ. Большевики не
прогнали, т. к. я былъ та же сама
безобразна дудомишка, сонъ, членъ
прогнилъ, я румъ не былъ будь на
сушью вторыми большевиками, но онъ
берѣтъ сѧ.

Первую книгу я прошлѣ въ Бата-
ль и писалъ одинъ, а вторую винтъ

2

в то же время большими дружескими, со стороны
Киржаковских.

Во конец лета 1919 г. Киржаков
и я получили приглашение привезти
в Ростов на съезду в Омский Про-
народов (Оскар). Я получил оттуда
наместническое письмо оттуда Е. Е. Канев.
Он же писал, что входит в Ростов
на съезд Доброархии есть донос
Калинин и пр. и пр. Их, а не т.д.

В Ростов Е. Е. Канев, и в
бар. Райнер составивши из себя при-
омский Пролетарий художественный.
Калинин (дополнено по Тел., и Райнер
идут в ногиах см. Соб.), м. л. спе-
циального художественного агентства при
Оскаре.

Чтобы в Ростове было скверно: до
нечтормил переполнено (и поэтому при-
шли недели спать на полу-разобщенное сид-
хонуру буквально величим с местнодомашними
кузнями); убийство россии из хамовицкого земли; сре-
доморячье на какой-нибудь работе было
очень трудно. Когда я прибыл в Ростов,
то общий кишок был: "на Москву!", и
мы даже начали обдумывать транс-
фер различных близких и находящихся
ко Московскому населению; убо-

была поиска. Вскорѣ однако волна забыла обратно; тревога постепенно нарастала и, в концѣ концовъ, спасла прибрюзгать парижскій воздухъ.

Ходъ царинъ петропольской. Въ двадцати пяти годахъ декабря, за пятьдесятъ днѣвъ до паденія Ростова, мы съ Пириковскимъ изъ большими трудностями перебрались въ еще болѣе перенаселенный и перегруженный Новороссійскъ.

Родители Пириковскаго остались на польской Ко днѣмъ въ Екатеринодарѣ, а я съ двумъ барышницами прѣѣхалъ въ Новороссійскъ, где мы посѣтъ многодневныхъ каникулъ памятъ пріюта въ однѣй Казанской, въ я спалъ на стволѣ вѣнца изъ какихъ-то разсыпанныхъ, а Пириковскій доехалъ въ Кабинетъ маркграфа. Всии попадали. Мы не можемъ себѣ представить, какъ проводились все въ Россіи; вѣтъ, и купальни, и пекулические люди занимались этой чистой охотой; наилучшее распространенное наименіе этой чистоты наименовалось было „матки“. Сей часъ никогда не писывалъ вѣтъ перенесеніи нашего свидѣнскаго чистоты. Чѣмъ вѣнцы до петропольской высоты. Самые дешевые предметы стоили сорока рублей: 25р. зп. копѣйки; 40р. зп. зп. масла и т.д. и т.д.

Конечнъ въ городѣ (городъ-то петербургскій)
на изборнѣкъ въ декадѣтъ стоялъ
рублей 200р.; черезъ недѣлю посторонъ
рублей 500-600; а помочь члену въ
мѣдичнѣ и замѣ бранѣ. Какой-то денѣкъ
штрафы; за то и членъ членъ не имѣвъ
соправъ бумагъ, старовѣтъ тѣхъ.
Въ общемъ, какак-то вакханалия дого-
ворились и отсутствіе членности въ
одно и то же время. У членъ, напримѣръ,
украинъ изъ кармана кошелекъ
— „И какъ юбда?“ говорилъ Иванъ
Бончъ Кильская отъ генерала! — Генералъ.
— „А денегъ сколько?“ спрашивали
— „Да ерунда! въ членъ-то дѣлъ тѣлъ.“
И действительно, это было все равно,
что погорѣть рублей два, замѣ членъ.

Но сорокъ пять заботлива свѣтловицъ
тиффонъ младшия Сиренкова, Кашеврика,
а въ ханжъ Нобаръ Года и други, вѣд-
ущиа. Гладкии лица будь пѣтъ годами.
Прѣхали и родители изъ изъ Екатери-
нодара. Мы почитали бывшаго Догрѣй
въ сравнѣніи хоромыго бывшаго, а
замѣ рѣ родителя Ч. прѣхали въ Краснѣ,
въ младшій союзъ изъ находившися на
боевой службѣ. И осталася при быв-

всегда боялся страшных и опасных.
Я ежедневно ходил в больницу, посыпываясь розовой пудрой; а к тому времени, когда однажды выдохнувшись, всхлипывая, что надо, пока было время, куда-нибудь выбиралась: большевики посыпали меня; Красин казался мне тогда беспечливым и неподелимым. Я же (и не было это известно еще в Ростове) был обзвинен большевиками въ законе, т.к. что всмотревшись в них, я был ими пойман. Во новороссийске я была обзвинена за пачку сигареты. *

Чтобы иметь какие-нибудь деньги, я продала одному антическому коммерсанту, Бенину, торговавшему маслами, салом, медом и еще что-то и мясавшему стать коллекционером, несколько своих вещей (четыре фунта) за 300 000 р. Правда, сумма, звучала гордо? Итак, прежде чем уйти в 200 000 были обезличены на всю сумму. Но когда я превратила эту сумму в фрукты сперечиновых (по цене от 4 до 6 тыс. р. за фрукт), то у меня

оказалась чистой парка до
70 фунтов; а на сорок!

Еще недели за три, да сюда же
до сорока из Новороссийска, да раз-
гарь бывший Чирковский, в похождениях
и течении со временем Гедеон, замечавший
будное место по издательской и, видимо,
императорской а газетной части в
Прим. Он предсказал мне при-
езд туда. Тогда же он звал и С.Н.
Чиркова, которому я со знакомством
посыпал письмо в Крым.

Было речено, что мы двинемся
в Прим.

22-го србр. ст.ст., как посчитал
оказалось, ровно за 10 дней до высадки
новороссийска большевиками, или двину-
лись на пароходе "Саратов" на Кон-
стантинополь. Эти были очень тревож-
ные. Начинались известия большевист-
ских братий; так, например, за день
до нашего отплытия известили большеви-
ками были выпущены все уголовные
арестанты из тюрьмы. План подви-
гавший катастрофой и близкий к кон-
чанию. Понимались уже в первом, в но-

47

баку, на палу. Сюда народу было в
среди этого, но все же было какое-то
порядок. Какъ мы узаемъ змеѣтѣкъ,
нашъ пароходъ былъ поставленъ въ рез-
ервъ Звакуацію. Чемъ было поставленъ?
поддается трудно описание: говорятъ,
что садившихъ спичками другъ друга
въ баку, сработали изъ револьверовъ
и т. д.

Не знаю, что имелъ въ видѣ С. Г. Кон-
серѣ. Онъ не Звакуаціровалъ, м. к.-
севѣръ его остался въ Ростовѣ. Онъ
поговаривалъ, что, въ смыслѣ україности,
будетъ столицей въ Чуфти. Его судьба ие-
ни средь безножковъ. Онъ такоѣ подко-
мандирился чесовѣтъ.

На другомъ же это отказаніи, еще до
Константинарадъ, у насъ поднимѣтъ спло-
тирофные боевые, Помочь поганихъ нашимъ
житѣарствамъ. Но бояться или воинъ съ
челѣвшихъ курсантовъ сражается, а ме-
нѣвшихъ курсанты — это какъ ишутка: на паро-
ходѣ декамъ штурмомъ заросли. Просто-
или день и какихъ-то спореній въ бое-
вой, не доходъ Константинарадъ; хотѣла
насъ искать и дезинфицировать. Не вѣри-
ли, однако, а побежали Гаврилъ. Словно Ди-
мушадъ нанорана, пропитанъ мимо

наш берега Босфора, какой-то старинной крепости; помочь же остановившимся прохожимими тифлами Стамбула со его бедхонечными сигаретами и, не останавливаясь, волникою Мраморное море. Противны были Принцевы островки, усеянные пасущимися русскими бдительными. Противны же какой-то Тузут на какой-то склоне берегу. Стоили на рефт. Днемъ были наши извѣстия чисты, а вечеромъ сирены раздавались. Простодушно думали на рефт; на берегъ никако не спускали, но погибшему наше не вѣрили. Тифы на пароходѣ разрасмели; пастковые членомались. Невѣжливо обратно в Константинополь; остановились. И в окнѣ гдѣ посидѣть письмо въ Чехо-Словакскую империю; приговаривали съ Гириковыми рѣшили, если о насъ извѣстно, высадить Сабль въ Константинополь и тѣмъ въ Прагу. Простодушно думали три; стало известно, что пароходъ идетъ на о. Кипръ. На третий день Ко-инъ предвидѣлъ посланникъ отъ генерала со извѣстіемъ, что Генуя окажутъ намъ помощь въ борьбѣ съ османами въ Константино-полѣ и продовольствіѣ; но тутъ все отвали въ великую опѣчу, въ которой сидѣло очень распластавшися. Перспектива

попасть на Кипр, туда идет из Ионии
 морской родинах Киприда, сдавав-
 ший несколько эмбодов показалась
 заманчивой. Мы не знали еще, что такое
 быть ее гостем у королей. Решим,
 воспользовавшись Барбетома протходив-
 и безплатными харчами, проплыть на
 Кипр, проплыть там же сюда, пошли-
 ра, а дальше, вернувшись в Констан-
 тинополь, въйти в Прагу. Такъ было
 сковано и решено. Движущее давше.
 Проплыли Акваторное море, Дарданелы;
 два дня плавли по диковому архипелагу,
 въшли в Средиземное море; плавли
 два дня и подошли къ Кипру, къ городку
 Фамагуста. Отсунувши благодарственны
 побелы (на порогъ было убитых четы-
 ре священника); по убо! все было испор-
 тивъ все торжественные флаги.
 Кипriotы испугались нашего тира,
 коры и скорпионов, и мы, просто-
 гло три дня у пристани и, конечно,
 не сходя на берегъ, плавели давше.
 Привезли насъ на Александрийский рейд;
 передъ нашими на ческомъ земли
 Африканскомъ берегу разстилались
 грады городъ; между ними, стоял гру-
 бый нашимъ глазу. На другой же на

третий день нас, наконец, съ
согрушили и мы стали твердой
погоды на пятым Александрийской на-
Берегиной. Моментально нас посадили
в харе-то бараки, доставить пред-
варительно самим погрузить в бараки
багажа свои бараки, и куда-то повезли.
Так, через полчаса привели къ карен-
тику, боевому концертному однотам-
ному зданію въ боевомъ Крупскомъ дворце
посрединѣ, отъ него за километр.
Передъ концомъ юбилейные мечт-
ной ширью квадратные дворики, съ стѣнами
зоологическій садъ. Повсюду инвалиды, хо-
лодный душъ и кусочки яблока. Однажды
была времена въ барифракцію.

Помощь начались для карантинного
монастыря. Спаси редовныхъ друзъ съ
другими. Въ начинѣ копиали на паралл.,
правда, на тщедушкахъ дробина 30 кун-
гунгъ. Я былъ выбранъ уполномоченнымъ
отъ 168-го, изучилъ и тешущихъ. Присо-
единясь къ этимъ день-ботамъ на кухни
за продовольствиемъ, дѣланіе разное
и, вообще, первое о чёмъ кути паралл.
Бродили по кругу; гуляли со спящими
и пурпурными бакланами; лежали на
полу, безъ конца пили чай; спорили
про-за разговоры; поднимались бурные
разговоры, кончавшись скорыми изг-за

6

кусорка сола или сверу ; водиль, публика
уже нечтного и оживленного, а вдруг
среди нас не то что поеховские (ко-
ими распространенный теперь тип) и
офицерские члены, но и профессора, да-
тераторы и др. Радостный бою нечего
да и неворюю, когда изображают и
себя сидяку со бокалом, наполненным
дружеским сеном. Проходит лишь 10,
а то и больше. Новые спираль гигант-
ов продолжается, что спасибо повару
и пастхомам не прекращается ; шевелю-
ре бою чисто фиктивное. Наконец, как
объяснили, что нас повезут куда-то
под Каир, привели подбираем массу
прелестей : 20 мин. туда со тропинок до
города, свободный проезд до Каира, бо-
льшомасштабный проезд к пирамидам и
до др. достопримеч. и пр. и пр. Три дня
откладывали наш отъезд ; наконец,
нас посадили в поезд, и мы про-
гнулись. Вдруг, мы узнаем, что нас
везут не в Каир, а в Асуан-Фив-Ке-
биру, в пустынно между Каиром
(два часа до Каира по л. д.) и Суданским
каналом. Нас надули самими бедот-
ными обрашю !

Противную им в окнах вагона
мурлы обработанный равнине Египта,

Опро-шестоми миць ві післяніше
перась, порослими хвойними; турбів
півні, розчи фрезеркові та панвиць;
зеленою деревушкою вітальнючи пі-
челей, оситнинею по більшій більшій
дорогі, а на них арабські, відбуває на
микроскопіческих осміках, верблюдах,
арбах із чепчиками, одітьими в
шерсті, все це відчутні інтересно, як юні
бістро і мимолітно, сюжет видовід,
фільма ві кіненомографії.

І вони, панчи спочатку сидять
песками і, наконець, юні працівни. У
всех уласо сердце. Сплюшеної гойти
песок; чи єдиного дерева; Колючий
проволока, а внути паночки; то
— наш лагерь. І Торбина, сінах на-
смодивши. Опірів коралтів. Скажи,
чи то коралтів прекрасніші через
десант днів чи через їх кількість
посиб днідо сучасні тиори, а у нас
нічо; нічо, да і забудеть чи то півні
а нас буде звичко.

Мара, верблюде, спорю о буд, або
ісомнів невозможності работать
и точиться неописуемо. Поті мостогу-
тви; времінами зорома віхи убити,
можна би не сильшама відносні спілки,

споровъ и, вообще, человѣческаго голоса.
Мои живыи барышни, записанныи спо-
ми письмами, скучают утконо-^и
сторожевъ не подбадривать и учить
и поклонствами, апельсинами и шоко-
ладомъ. Вѣдовокъ, задумъ ^{Хансинъ}; это
— злойной вѣтеръ пустыни, бывшой
силы, несущий обижа песку и пыли.

Вотъ, вѣрамъ наши злоку-
ченія. Конечно, спасло королю, что наше
королевство, уверивъ отъ большевиковъ и
спасши наши изкуры, по все-же и подъ
сидѣвшъ сидѣть въ посадѣ на генералѣ
Безъ Буркало ^{Илья} и думаетъ: поено,
такъ-и? Могутъ быть, я забылъ,
что убийцъ тихъ ограбилъ Кого-то, а то
за что-же менѣ посадили за космодем-
ировскую?

Надѣюсь (думаю — спрошу), что
всирвено. Мы несомнѣнно каки-нибудь
американцы или американцы (конечно,
не въ Концептраціонномъ лагерѣ, а
въ Кауптъ или Александрии), которому
я тогда ^{бы} продамъ что-нибудь изъ моихъ
произведеній и получимъ фунты, мк.
иныхъ такихъ денегъ (это чрѣзъ 300 000р!)
недостаточно на пропись, а Киржаковъ
конечно, я не брошу. Въ Кауптѣ есть
русскій посольский, но я не знаю,

и можете ли вы винт бывшъ получивши.
Говорите, что для полной свободы
надо показать анималамъ по 80 ф.
на головѣхъ, а у меня у одного не-
показаныхъ 70 ф., наль же трое, м. р. мо
чутько это-то кочу-то продаваютъ.

Рисунки (этюды и пр.), правда, ~~какими~~

извѣни, что такъ долго утом-
ленъ твой, но все давно не пишемъ
другъ другу, и я боюсь бои зевъ ради,
если-бо получимъ отъ тебя отвѣтъ.
Угадуйши адресъ мои винт письмомъ.
Думаю, что самое бѣрное : Кауръ,
русскому консулу дѣлъ такого-то. (Имена
бѣроятно, и въ Каурѣ poste restante.)

Мнѣ-боѣ сомнѣюсь, что бы он-
личное зналъ, кто я; что я пѣтъ
новъ русскій художникъ со звѣзда, не-
мѣнѣнными, боярскимъ пѣтъстѣнно рус-
скаго писателя, а не просто пѣдо-
бскій русскій бѣженецъ за еѣ 3374.
Но какъ я и безнадѣйно пришелъ къ
этому безликому генеру.

Посытъ Ростова, посытъ Северо-
сійской Клоаки, посытъ пароходного
трюма, посытъ Карактильо и Ко-
гей проводоки такъ хотѣмъ паспор-
ту и купи туросъ и возможно сти бѣ-

преподавательско оккупировавъ со художественнымъ работой. И съ группой Столыпинской мои начали въ училище Крымскаго мастерскаго, но теперь туда не попадаю.

Въ Прѣтъ я надѣялся привлечь за продолжение изданіе русскаго языка, скажокъ и пр. Въ такомъ смыслѣ я и говорилъ съ Чехами.

Но, какъ говорятъ посвѣтила, рѣшающими, это глубокие, а генеральными — это учреждение. М. б., есть какая-либо удача определенія работы въ Азии; но опять же я буду съ моими обличиями опасающимися. Одна изъ нихъ художница, т. е. не художника, а будущая художница, мои члены уровни хорошихъ членовъ Поморского класса Графики.

Если бы явились возможности хранить въ Азии, то я долженъ получитъ оттуда членной выставки на Азиатской выставкѣ съ уполномочиемъ моихъ обличий Чирковича, Лодинова и Валентина Евгеньевича. Такой выставкѣ должны были бы быть возможности свидетельствъ про Европу, Бордиги, и пр. да какихъ-нибудь провинций въ Гаспости.

Письма посыплюсь отъ меня страшно

трудов. Поэтому-то я и не воспринимаю
твоё письма (они же торопились) в
самом то, что письма этим не до-
стигают и это-то испаряется. Но в
то же время посыпалось из оконечий.

Ты, всем здорово. Твой приятель
Елена Ивановна. Красивая белая
знакомая, кого увидишь.

Твой

М. Баринов

P.S. — Ему Мир знаком с Альой
Серг. Кузиковской, то, м. б., тебе по-
кажешь ей это письмо; ей будешь
интересно узнать о судьбе Никола-
евны.

9
17 апр.
1920.

запод днен ожидаете копии письма. Контрольный листок

Дорогой Николай Константинович,

Привет! Пишу Тебе из Ливийской пустыни из-за колючей проволоки. Но, прежде чем изложить Тебе, как я попал в Африку, сделаю некоторое отступление в область недавнего прошлого.

Два года я просидел у себя в Крыму, и это было хорошее время. Я жил совершенно один, был себе и дворником и поваром, но был сам себе и хозяином и художником.

В общем не раз приходил к нулю в финансовом отношении, а потом появлялись какие-то незначительные рубли, которые быстро таяли. Пережил первых большевиков, немцев, французов, первых добровольцев, вторых большевиков и вторых добровольцев.

Большевики не трогали, т.к. я был на положении безобидного художника, хотя, между прочим, я чуть не был взят на службу вторыми большевиками, но отвертесь.

Первую зиму я прожил в Бати... м... почти один, а вторую вместе с моими большими друзьями, с семьёю Чирковых.

В конце лета 1919 г. Чирков и я получили приглашение приехать в Ростов на службу в Отдел Пропаганды /Осваг/. Я получил очень патетическое письмо от Е.Е. Лансере, где он писал, что ехать в Ростов на службу Доброармии есть долг каждого и пр. и пр. Ну, и поехали.

В Ростове Е.Г. Лансере, я и бар. Раут составляли из себя при Отделе Пропаганды Художественную Коллегию /должность по Укл., и Рауш ходил в погонах Ст. Сов./, т.е. высшую художественную инстанцию при Осваге.

Жить в Ростове было скверно: до невероятия переполнено /я только через три недели спанья на полу раздобыл себе конуру буквально величиною с железнодорожное купе/; цены росли с каждым днем; сосредоточиться на какой нибудь работе было очень трудно. Когда я прибыл в Ростов, то общий клич был: "на Москву!", и мы даже начали обдумывать темы для разных воззваний и манифестаций к Московскому населению; уверенность была полная. Вскоре однако волна хлынула обратно; тревога постепенно наростала и, в конце концов, стала приобретать панический оттенок.

Хаос царил невероятный. В двадцатых числах декабря, за несколько дней до падения Ростова, мы с Чириковыми с большими трудностями перебрались в еще более переполненный и перегруженный Новороссийск.

Родители Чириковы остались на несколько дней в Екатеринодаре, а я с двумя барышнями приехал в Новороссийск, где мы после многодневных мытарств нашли пристав в одной канцелярии, где я спал на столе вместе с какими-то рассыльными, а Чириковские дочери в кабинете начальника. Вши попадались. Вы не можете себе представить, как прошел весь юг России; все, и культурные, и некультурные люди занимались этой милой охотой; наиболее распространенное название этих милых насекомых было "танки". Сейчас некогда описывать все перипетии нашего свинарского житья. Ценники взлетели до невероятной высоты. Самые дешевые предметы стоили сотни рублей. 250 р. ф. колбасы; 400 р. ф. масло и т.д. и т.д. Конец в городе /город-то невеликий/ на извозчике в декабре стоил рублей 200 р.; через недели полторы рублей 500-600; а потом уже и тысячу и даже более. Какие-то деньги имелись; за то и мы их не жалели: сорная бумага, старые тряпки. В общем, какая-то вакханалия дороговизны и отсутствия ценности в одно и то же время. У меня, например, украл из кармана кошелек. — "Экая обида", говорил я; там был ключик от чемодана! — меня — "А денег сколько?" спрашивали — "Да ерунда! с чем-то две тысячи". И действительно, это было все равно, что потерять рубля два, даже меньше.

В сочельник заболела сыпным тифом младшая Чирикова, Валентина, а в канун Нового Года и другая, Людмила. Эпидемия была ведь невероятная. Приехали и родители их из Екатеринодара. Мы поместили больных дочерей в сравнительно хорошую больницу, а затем родители Ч. уехали в Крым, где младший сын их находился на военной службе. Я остался при больных верным стражем и опекуном. Я ежедневно ходил в больницу, носил им разные снеди; а к тому времени, когда обе стали выздоравливать, выяснилось, что надо, пока было время, куданибудь выбираться: большевики насыдали; Крым казался местом тоже временным и ненадежным. Я же /мне было это известно еще в Ростове/ был об'явлен большевиками вне закона, т. что встречаться с ними мне было нельзя. В Новороссийске была об'явлена запись на английскую эвакуацию.

Чтобы иметь какие нибудь деньги, я продал одному местному коммерсанту, Бейкшну, торговавшему маслинами, салом, медом и еще чем-то и желавшему стать коллекционером, несколько своих вещей /штук 7 или 8/ за 300 000 р. Правда, сумма, звучащая гордо? Ведь прежде выигрыш в 200 000 был обеспечением на всю жизнь. Но когда я превратил эту гордую сумму в фунты стерлингов /по курсу от 4 до 6 тыс. р. за фунт/, то у меня оказалась жалкая пачка в 70 фунтов; а нас трое:

Еще недели за три, за четыре до от'езда из Новороссийска, в разгар болезни Чириковых, я познакомился там с одним чехом, занимающим видное место по издательской и, вообще, литературной и газетной части в Праге. Он предложил мне приехать туда. Туда-же он звал и Е.Н. Чирикова, которому я с окназией послал письмо в Крым.

Было решено, что мы двинемся в Прагу. 22-го февр. о.ст.ст., как после оказалось, ровно за 10 дней до взятия Новороссийска большевиками, мы двинулись на пароходе "Саратов" на Константинополь. Дни эти были очень тревожные. Начинались местные большевистские брожения; так, например, за день до нашего отплытия местными большевиками были выпущены все уголовные арестанты из тюрем. Пахло надвигавшейся катастрофой и близким концом. Поместились мы в троем, в повалку, на полу. Хотя народу было и очень много, но все же был какой-то порядок. Как мы узнали уже здесь, наш пароход был последний с регулярной эвакуацией. Что было после нас, поддается трудно описанию: говорят, что садившиеся спихивали друг друга в воду, стреляли из револьверов и т. д. Не знаю, что стало с Лансере. Он не эвакуировался, т.к. семья его осталась в Ростове. Он поговаривал, что, в случае крайности, будет бежать в Грузию. Его судьба меня очень беспокоит. Он такой редко милый человек.

На другой же день по отплытии, еще до Константинополя, у нас появились сыпно-тифозные больные. Потом начались наши мятарства. В Босфор мы вошли сигналом сигнальным флагом, а белтный сигнал — плохая штука: на пароходе дескать имеются заразные. Простояли день у каким-то строения в Босфоре, не доходя Константина, хотели нас мить и дезинфицировать. Не вымыли, однако, а повезли дальше. Слов-

но движущаяся панорама, проплыли мимо нас берега Босфора, какие-то старые крепости, потом, не останавливаясь, мы проплыли мимо Стамбула с его бесконечными минаретами, не останавливаясь, вошли в Мраморное Море. Проплыли мимо Принцевых островов, уже населенных русскими беженцами. Приплыли к какой-то Тузле на Малоазийском берегу. Стояли на рейде. Должны были нас мыть и чистить, а желтый сигнал разевался. Простояли дня четыре на рейде; на берег никого не спускали. Но почему-то нас не вывели. Тиф на пароходе разрастался; насекомые умножались. Повезли обратно в Константинополь; остановились. Я с окказией послал письмо в Чехо-Словацкую миссию, причем мы с Чириковыми решили, если о нас известно, высаживаться в Константинополе и ехать в Прагу. Простояли дня три; стало известно, что пароход идет на о. Кипр. На третий день ко мне прибыл посланный от чехов с извещением, что чехи окажут нам помощь в смысле временной остановки в Константинополе и продовольствия; но тут мы сделали великую ошибку, в которой сейчас очень раскаиваемся. Перспектива папасть на Кипр, туда где из пены морской родилась Киприда, сделать там несколько этидов показалась очень заманчивой. Мы не знали еще, что такое быть в гостях у королей. Решили, воспользовавшись даровым проездом и бесплатными харчами, проплыть на Кипр, прожить там месяц, полтора, а затем, вернувшись в Константинополь, ехать в Прагу. Так было сказано и чехам. Двинулись дальше.

Проплыли Мраморное Море, Дарданели; два дня плыли по дивному архипелагу, вышли в Средиземное Море; плыли два дня и подошли к Кипру, к городку Фамагуста. Отслужили благодарственный молебен /на пароходе было целых четыре священника/, но увы! все дело испортил все тот же желтый флаг. Кипriotы испугались нашего тифа, кори и скарлатиницы мы, простояв три дня у пристани и, конечно, не сходя на берег, плыли дальше. Привезли нас на Александрийский рейд. Перед нами на плоском знойном Африканском берегу расстился громадный город; много пальм, столь чужды нашим глазу. На другой или на третий день нас, наконец, стали выгружать и мы стали твердой ногой на плиты александрийской набережной. Моментально нас посадили в какие-то вагончики, заставив предварительно самих погрузить в багажные вагоны свой багаж, и куда-то повезли. Так, через полчаса привезли к карантину, боль-

шому кольцеобразному одноэтажному зданию с большим круглым двором посередине, место нашего заключения. Перед комнатами обнесенные железной изгородью квадратные дворики, совсем зоологический сад. Повели мыться. Холодный душ и кусочек мыла. Одежда была взята в дезинфекцию.

Потом начались дни карантинного томления. Спали рядышком друг с другом. В нашей комнате на нарах, правда, на тюфяках дрыхло 30 мужчин. Я был выбран уполномоченным от 268 чел., мужчин и женщин. Приходилось целый день ходить на кухню за продовольствием, делить рационы и, вообще, петься о целой куче народа. Бродили по кругу; гуляли со своими и чужими дамами; жаловались на тоску, без конца пили чай; спорили из-за рационов; поднимались бурные разговоры, кончавшиеся ссорами из-за кусочка сала или сыру; вообще, публика измечала и омешанилась, а ведь среди нас не только полковники /семой распространенный теперь чин/ и офицерские жены, но и профессора, литераторы и др. Работать было нечего да и невозможно, когда изображаешь из себя селедку в боченке, наполненном другими сельдями. Просидели дней 10, а то и больше. Новые случаи тифа все продолжались, ибо спали в повалку и насекомые не прекращались; мытье же было чисто фиктивное. Наконец, нам об'явили, что нас повезут куда-то под Каир, причем наобещали массу прелестей: 20 мин. езды в трамвае до города, свободный проезд в Каир, возможность проехать к пирамидам и в др-места и пр. и пр. Три дня откладывали наш от'езд; наконец, нас посадили в поезд, и мы тронулись. Вдруг, мы узнаем, что нас везут не в Каир, а в Тель - Эль-Кебир, в пустыню между Каиром /два часа до Каира по ж. д./ и Суецким каналом. Нас надули самым безбожным образом!

Промелькнули в окнах вагона тучные обработанные равнины Египта, Серо-желтый Нил в плоских берегах, поросших камышем; тучные нивы, рощи финиковых пальм, земляные деревушки местных жителей, ослепительно белые большие дороги, а на них арабы, едущие на микроскопических осликах, верблюдах, арбы с женщинами, одетыми в черное, все очень интересно, но опять быстро и мимолетно, словно видовая фильма в кинематографе. И вот, пашни стали сменяться песками и, наконец, мы прибыли. У всех упало сердце

Сплошной голый песок; ни единого дерева; колючая проволока, а внутри палатки; это - наш лагерь. Тюрьма, самая настоящая. Опять карантин. Сказано, что карантин прекратится через десять дней или через две недели после последнего случая тифа, а у нас нет, нет, да и заболеет кто-нибудь, а нас ведь тысяча.

Жара, безделие, споры о еде, абсолютная невозможность работать и тосчища неописуемая. Люди осточертели; временами хочется всех убить, только бы не слышать

вечных сплетен, споров и, вообще, человеческого голоса. Мои милые барышни, записанные моими племянницами, скучают ужасно. Я стараюсь их подбадривать и устными лакомствами, апельсинами и шоколадом. Вдобавок, задул хамс; это - знаменитый ветер пустыни, большой силы, несущий облока песку и пыли.

Вот, вкратце наши злоключения. Конечно, спасибо королю, что нас кормят, увезли от большевиков и спасли наши шкуры, но все же иногда сидишь себе в полатке на чемодане безо всякого дела и думаешь: полно, так-ли? Может быть, я забыл, что убил или ограбил кого-то, а то за что-же меня посадили за колючую проволоку?

Надеялся / мало ли, да и можно /, что вырвемся. Мне необходим какой-нибудь англичанин или американец / конечно, не в концентрационном лагере, а в Каире или Александрии /, которому я мог бы продать что-нибудь из моих произведений и получить фунты, т. к. моих жалких денег / это из 300 000р! / недостаточно на троих, а Чирковых, конечно, я не брошу. В Каире есть русский посланник, но я не знаю, может-ли он мне быть полезен. Говорят, что для полной свободы надо показать англичанам по 80 ф. на человека, а у меня у одного неполных 70 ф., нас-же трое, т. что нужно что-то кому-то продавать. Рисунки / этюды и пр. /, правда, имеются.

Извини, что так долго утомляю Тебя, но мы давно не писали друг другу, и я был бы очень рад, если бы получил от Тебя ответ - Грядущий адрес мой мне неизвестен.

Думаю, что самое верное "Каир", русскому консулу для такого-то. / Можно, вероятно, и в Каир /.

Мне бы хотелось, чтобы англичане знали, кто я, что я известный русский художник с двумя племянницами, дочерьми известного русского писателя, а не просто рядовой русский беженец за № 3374. Пока же я безнадежно пришил к этому безличному номеру.

После Ростова, после Новороссийской Клоаки, после пароходного трюма, после карантинов и колючей проволоки так хочется настоящей культуры и возможности безпрепятственно окунуться в художественную работу. Я с грустью вспоминаю мою милую и уютную Крымскую мастерскую, но теперь туда не попасть.

В Праге я надеюсь приняться за продолжение издания русского эпоса сказок и пр. В таком смысле я и говорил уже с Чехами.

Но, как говорит пословица, рыба ищет, где глубже, а человек - где лучше. М.б., есть какая-нибудь определенная работа в Англии; но опять-таки я еду с моими обеими спекаемыми. Одна из них художница, т.е. не художница, а будущая художница, моя ученица уровня хорошей ученицы Поощренского класса графики.

Если бы явилась возможность ехать в Англию, то я должен получить оттуда именной вызов на английском языке с упоминанием имен обеих Чириковых, Людмилы и Валентины Евгеньевен. Такой вызов облегчил бы возможность вырваться из Египта, вообще, и из-за колючей проволоки в частности.

Письма посыпать отсюда страшно трудно. Почему-то наши гостеприимные хозяева /они-же тюремщики/ делают то, что письма цели не достигают и где-то испаряются. Письма мы посыпаем с окказией.

Ну, всего хорошего. Мой привет Елене Ивановне. Кланяйся всем знакомым, кого увидишь.

Твой И. Билибин.

- Если Ты знаком с Анной Сергеевной Марковой, то, м.б., ты покажешь ей это письмо; ей будет интересно узнать о судьбе Чириковых.

15/III-1922 -

Sharia Antik-Khana, 13

Le Caire.

Egypte.

Дорогой Николай Константинович,

Я был очень радъ получитъ отъ тебя открытку,
но, по моему, послалъ письмо черезъ океанъ, такъ что
можу написать и письмо подобное.

Не имѣя никакого касательства къ народамъ
бibleйскимъ, я не стану придерживаться правила:
„око за око“, а потому напишу подобное, что ты
хотѣшь.

За последнее время я пишуъ отъ тебя не много;
было одно въ сапогахъ падаетъ моего друга превосходнаго
я въ то времена тоже тебѣ одно-то отпрѣвилъ.
Это было очень давно. Другъ же твой письма были
вѣроятно, такъ же мнѣны, что не выдержали и
утонули въ океанѣ.

Ты сообщишьvant очень интересную для меня
новость, которой я и не зналъ, а, конечно, то, что
я буду въ Америку. Пока еще отъ этого ^{не} зналъ,
а что будешь дальше, не зналъ. Кѣдѣ идетъ и не
стеснясь, что я буду морякомъ два съ половиною года

В этот раз самолет Брунто. Наше положение таково, что попасть в это место намечено ровно на неделю.

Пока же мы находимся таково: в начале октября я сдвигалась из Истанбула, конечно, если буду жить, и туда в Европу. Куда, не знаю точно. В Париж или Берлин.

Я не могу больше жить в этой империи, но прощаю ее своей склонностью к стране. Но я совершенно одна; среди родственников по духу и имперской идее совершенно. Я безумно соскучилась по институтам, где живутся чистые люди, люди нашего чеха, что-то устраивавшие, будущие, живущие.

Работают и пишут. Написала я здесь одну генеральную композицию с фигурами в византийском стиле размера $5,5 \times 2,5$ метров, гравадину; замок — иконастас для одной греческой церкви; замок — одно панно в византийском-же стиле (корабль, море, скалы и иконный город); сцену для два панно высокого слишком для $2,5$ метра, но довольно узких в стиле Louis XVI! (такое же бережье, что дают) и одну большую византийскую акварельную композицию (садник); кроме того сцену и продам ряд портретов, византийских и персидских миниатюр и этюдов.

Вуалтійській корабль (небольшій вене — 1 кв. метръ) я
сдублировавъ дѣлъ сеїхъ и півнечу въ Европу; равноша
обратно въ Губарку і вуалтійськаго вадника; вене
рівно вен. и персидскихъ (т. е. à la) мініатюрахъ
и гравюрахъ такоже и зекури изъ Кругихъ садинъ
здѣсь венеї. Многому научилъ и, видите, иду пока
въ искусство впередъ. Райтбрювъ не боюсъ. Это, ко-
нечно, дѣлъ чистъ новостъ.

За это время я постепенно въ myselfъ въ пони-
мание древніго Египта и очень поизучавъ его иску-
стство. Сейчасъ я пытаюсь проиллюстрировать одну
вене, не выходя изъ стилізаціи древне-египетской
хатона. Это — знаменитая въ древніемъ Египтѣ
погина Тенімаура, пакерманская, какъ огнь попытавъ
въ свое время произведение, на стѣнахъ иконахъ храмовъ,
въ сеньоріи царя XIX дцт. Рамзеса II, его постыду надъ
броями, эти они, оставленій своихъ воісковъ, ко-
торое занесло, разнуся одинъ въ своей колеснице
на вражескихъ почвахъ и, покровицействующей до-
гомъ Амона-Ра, разбивъ ихъ на голову.

Если, со помощью Амона-Ра, имъ удастся до-
вести это до конца, то я буду первымъ изъ
художниковъ нашего времени, который дасть отвѣтъ
египетской композиції въ исполненіи XIX дцт.

Ничего здесъ твое. Уходилки въ отчий здесъ
не пущай. Денегъ захотѣши; еще хватаетъ на
тихъ. Сберегъ чисто чисто, да и не угоди я.

Однокакъ чисто тоже чистка угрожаю. Но,
чуть скоро погибъ я, что я чистъ холостякомъ, а
это проклятие. Была я не въ совершенствѣ
(сердце окончательно не разрѣзано) и единственный
развѣденіе — кинематографъ. Марина такая,
какая, обожаю ее, хвалясь въ Африкѣ, да еще
штото; обиждаешь да и тошно.

У меня нѣсколько подмастерьевъ. Одна подмастерь-
няша твоя не безуѣстна, поехъ съ сыномъ Сандре,
а прѣмѣ — Бѣлоородова, наша чистейшая ученица.
Ей чистъ, докторъ, очень чистой головкой и сама она
— тоже. Была и другая подмастерьяша, да убрана
въ Европу, куда и я скоро пойду. Потомъ еще по-
могаю иннѣ архитекторъ А. С. Бѣликовъ; онъ хорошо
знаетъ твоего брата. Кто сей часъ Б. К.?

Ахъ, если напишешь чистъ настороже чисто,
то и я напишу чистъ вѣрокъ философіи обѣ
искусствъ, чистъ, старости и юности и т. д., а
пока пойду спать, что какъ ноги, а завтра со
утра надо браться за работу. Но! искренний при-
ятель Ильинъ Ивановъ. Чистъ твой. Твой
М. Глининъ

20/V 1923

15

Дорогой Николай Константинович,

Не правда ли, какое счастье родиться художни-
ком? Это я особенно часто повторяю с тех посеще-
ний время. Досадно только, что жаль умели так
много и, впрочем, не такъ много ужъ осталось. При
ограничении карьеры мастерства, а потому и при
прогрессирующій мелочевости процесса! (Это
не хвастовство, а, действительно, такъ), идетъ со другой
стороны, памятъ бургундскаго королевства не
половинъ и половина тѣхъ, и однѣко, что это не ее
 недостатокъ сихъ, а то есть во времени. Ну, конечно,
и здѣсь недостаточно, т. е. тѣхъ деревъ, которыя
должны были независимо въ работе и возмож-
ности тѣхъ труда, когда хотѣшь, иѣсть то, что
правильное.

Работа все-же есть. Страны обдувываютъ эскизы для
декоративного панно (или - карти-
ны; я не знаю, когда оно — панно, а когда — картина)
размера 2,5 x 1,5 метра), на стоянкѣ передъ
кинотеатромъ. Тамъ есть и притулъ, и его свина,
и птицѣвъща, и музыкальныи, и цветы, и
скамьи, и деревья, и архитектура на фронтѣ. Это
разъ; во второмъ, рисунокъ национальной одноденежной
башни (эскизъ декорации и костюмовъ) въ рус-
скомъ стилѣ Павловскому, которая была у нас
въ Каирѣ, вскорѣ погибла вся труппа и осталась
Каирскую публику и упорхнула прочь.

Крайт того, у мені підійшов самий перший
стадій переговорівколо одного крупного замку:
Большій Сирійський церковь. Богохвілі, що нині не існує.
Комітетські візити зустрічалися відповідної
членами комітета та робітниками партії, від комі-
тету саме горть чотири людини, напріяг, архієп-
ископ, архимандрит, один з сирійських градарів т.д.
Все змінено — Зелені підійшли; більше — недовірство
різних архітекторів, які відмінно робили, відсутність
якісного чиєї альтернативи та подібні думки.
Архітектор, архітектор береть від церкви і ходу
декорування запрестольної стіни. Стіна зроблена
під. Кажуть їх, що заміните розписами задані
комітетом даними письмами. Вони були сплановані
для країн, які мавуть відповідні
архітектори та мають відповідні
стилістичні погані відомості. Стіна буде
виконана в італійському стилі. Прекрасно. Від Венеції єсть фігури,
здебільшого відлиті з мозаїки; таїх не
маємо, але є хороміє dessinateurs, які знають
le style; вони не посылають чиєї ескизу, потому
що вони не рисують чиєї чуттєвої, а ограничуються
чиєї замальовкою чиєї теми, від якої вони
забирають свій ідеї; вони, і все.

Со всеми приходится конкурировать, и, конечно, они всегда всегда конкурировают.

Когда же мы двинулись въ Индію? Годъ съ
Александровой Васильевной тоже туда мыслемъ, но
пока еще не собстнъ отрасли дипломатич. промысл.

Но фракции им въ фракционное и уже достопочтеннѣе поступить, т. к., потерявъ рѣшительное свое членчество, я одновременно становлюсь наименее прерогативъ къ стилю ампиръ краснаго дерева и ко льстчеству букинга или лунседа. На Версалѣ имъ тоже пахаютъ съ высоты мачтарами. А, въ сущности, какъ это характерно, хотѣлъ и изъ другой стороны, что сейчасъ, въ Россіи, губятъ национальную старину, нашу главную красу и гордость, изъдаютъ на государственной скамье оправдѣ все то же-то, то же-то и то же-то Версаиль работы Чигори Бенуа (— „Чигори, Чигори! Сколько здѣсь скучивающихъ!“ Бакстъ, 1900 г.). Ну, и башня Татьяна, конечно. Это все одно къ одному и безумно пурпуръ для Россіи.

Вчера купилъ издали въ Римѣ китайскую обувь работами героя Марана (тome вѣдь нѣкогда наше поонзрскій бундеркиндъ). Я веселился утромъ день, хотѣлъ (скамью тѣстъ обсохшую на уго) отъ задавленія нѣкоторыхъ нашихъ членовъ „Мира Искусства“, находящихся въ Париже. Nomina odiis sunt.

Пусть Казидаѣ Птица славится по своему Господи-Ивониа, но тоивко когда гимнъ искръ сей по всему свѣту страусомъ или даже бойвой, то это чудно, и пусть въ это время разное есть таки фестивали, а насъ, какъ говорившъ Столипинъ, не замужасимъ!

Такъ у Марана есть картина: павлинъ; какой-то пиджакъ Верхъ какое-то несомнѣнное

нивомъю; спереди же, по вѣтиз видимостіи, понападу, лошадь, а во гребль у ней чуде есть переборокъ; такъ и лежитъ сѣтъ и конки подъ кверту. Ну, да! чай божъ здоровъ, чии... поменье быть, и не надо?

Сегодня бродилъ утромъ со Александромъ Ка-
санцевой по мусульманскому Каиру. Оспантивши
чеготь Ибнъ-Муслихъ, одну изъ древѣйшихъ, X в.,
забираешь на мисаретъ, откуда открывается
неестественній видъ на недобрую мусульманскій
Каиръ, все это куколь и беспытное нагроможденіе
кубовидныхъ построекъ земляного убога со стѣнами
и со всякій рутищѣю на плюсихъ краишкахъ, пересечен-
ные кривыми щелями-переулками.

Александра Вас-ка очень слаба. Не сядко пивется
у насъ по родинѣ!

Ну, пора ко коню. Нашъ обій другъ Тиран-
кинъ, очевидно, узналъ, что я становлюсь
трезвеннікомъ, говорятъ, серьезно заболѣло и,
вѣдь же, куда-то скрылся. Если идетъ съ новы-
ми сѣтами, то сообщи. Передай имъ привѣтъ
Еленѣ Ивановнѣ. Будь здоровъ; это — плавное.

Честно честнъ. Твой

И. Бунинъ

P.S. — Адресъ тонъ-ме:

13, Sharia Antikhanah, Le Caire, Egypte.

Пиши. Буду пискачено радъ. Самъ
увидишь Кн. С. К. Тенишеву, передай ей отъ меня
самый поганѣливый и сердечный привѣтъ.

29 мая,

Как и полагается в моей корреспонденции, письмо это началу-то производило впечатление стоящего девять дней среди убийств компании других написанных, быть, недописанных писем.

Все эти дни рисую эскизы декораций и костюмов для маленького русского балета, изобретенного мною под Павловой.

Недавно получила от неё (т. е. от ее мужа, В. З. Дандре) письмо, в котором меня просят подумать еще и о египетском балете. Ну, спрошу, умею ли я (правда, весьма туманно и приблизительно) это, когда Павлова бежала в Каир.

Это — очень интересно, чтобы балет, что я хочу, конечно, не сценический, а винсивистский составить. Кстати не для археологов, а для художников по египетской одежде, утвари, предметам быта и вообще. Тоже, все это весьма туманно, но материал постепенно набирается. Фотографии тела, и скелетов, и кукол.

Последние дни заняты. Былая на уединении, которой называлась Музейщица, а которой, на самом деле, могли бы называть искусством. Во Каирском Египетском музее начато раз搬运ивание

предметы из недавно открытий могиль, о
чем знает весь мир. Пока я буду вибрис-
мать, т.е. не выяснять, а так как стекловидные
кубические Колпаковы. Всю поразительное.
Есть
такие два кресла (две троновы эти шапки). Стихи,
одна фантастическая, а другая из темно-коричневого дерева
поражают непривычной сохранностью Колко-
зижин. Изображение божества. Золотой парус со всеми
интересными барельефами; искусство деревянных
скulptурных изображений и т. д. Конечно, соп-
рикосновение с тем, что эгипетское искусство даёт
потрясающие первые техники, но никогда не даёт
того же совершенства невиданного. Могут быть, есть
и скопирую, но только не явлюсь, а внутреннее
и сокровенное. Однако, я отважусь.

Не только фотографировать, но даже хар-
совать самим блеск и привлекательность подго-
това этого воспринимается. Запрет будешь сидеть
перед пальмой и тем, когда исчезнет право
открытия этого места искателей и
право воспроизведения. Это дороже, ^{и.и.б., справедливо} но лучше все
эти памятники, а то, например, шапка, судом-
ику, склонившемуся над одним из застывших
собственников. Всех предметов во всем мире
никто, как раз эти вещи лучше дадут
коэволюции.

Лежат стеклами паникадилы (это уже не
что новое). Верхние виды, а подобные поко-
вончены краснокрасной и попросить показать нам-

18

ни. Куда толку! То же и со передисками
или амфорами в Арабском музее.

Простите за напоминание, что музей — пустое,
а они погибли; любят туристов, создают
восхитительную выставку, но экспонаты не могут
когда приходить люди и хотят это-то и то-то
и как-то работать. Сейчас же: „мы очень
рады, но толка...“

Ну, Запорожье. Кончо. Надо рабо-
тать. Приветъ Еленѣ Ивановнѣ.

Всѣхъ благъ

М. Бицбиль

♀

Дорогимъ Елене Ивановне и Николаю
Константиновичу сущо приветъ.
Сейчасъ работаютъ болѣе всего венцы „Пир“
и заслонки, присланы фотографическій
стокъ. Получено десять чашекъ (фарфор)
„Пир“.

Ось здешней эпопеи предстоитъ разсудокъ
Греческому Немецкому. А И. Як. хотѣлъ
типо, насыпанный асфриканецъ!
Президентъ Вашъ Аль.